

Университетъ пятидесятихъ годовъ.

(Изъ воспоминаній Н. Леваковского).

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Эгими словами великаго поэта какъ нельзя приличнѣе, мнѣ кажется, начать свои воспоминанія объ университетской эпохѣ. Впечатлѣнія такъ живы, все было такъ недавно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все такъ необыкновенно, такъ мало вѣроятно!

Дяко, небрежно, непозволительно-уродливо велось дѣло преподаванія въ гимназіи, что же мы встрѣтили въ университетѣ?

На первомъ планѣ стояла выправка и наблюденіе за исправнымъ надлежащимъ исполненіемъ формы. Съ этою цѣлью, инспекторъ еженедѣльно (а то и чаще) собиралъ насъ въ одной изъ большихъ аудиторій и окруженный своими помощниками, какъ лекторами, осматривалъ всѣхъ вообще и каждого въ отдѣльности, дѣлалъ замѣчанія и выговоры. Въ особенности преслѣдовались бѣлые воротнички сорочекъ, виднѣвшіеся изъ-за стоячаго синяго воротника, и длинные волосы. Носители воротничковъ были прямо отводимы субъинспекторомъ въ карцеръ, а имѣвшіе волосы, превосходившіе длиной извѣстную казенную норму—отсылаемы въ шьюльню, съ приказаніемъ остричься надлежащимъ образомъ и немедленно явиться для освидѣтельствованія. Были случаи, что приходилось стричься по три раза въ одинъ и тотъ же день; однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока начальство не признавало стрижку удовлетворительной. При этомъ случалось и такъ, что ктонибудь, отправленный вторично остричься, не желая подвергаться этой операціи въ третій разъ, стригся съ

отчаянія такъ, что, какъ говорится, не за что было ущипнуть. Торжествующій, являлся онъ вновь на смотръ, но опять бѣда:

— На что вы похожи! кричалъ на него инспекторъ.

— Посмотрите на себя! Что вы солдатъ, что-ли? Что вы не знаете: какъ надо стричься? и т. д.

Нѣсколько инспекторовъ перемѣнилось за время пребыванія моего въ университетѣ, и ни одинъ изъ нихъ не надоѣдалъ намъ столько этими смотрами, какъ нѣкто Гриппенбергъ, отставной полковникъ артиллеріи, незлобивый, въ сущности, человекъ, онъ былъ рѣшительно несносенъ своими безконечными назиданіями и наставленіями. Его затруднялъ русскій языкъ, и потому смотры его были безконечно длинны. Собравши всѣхъ въ аудиторію, онъ входилъ на кафедру и начиналъ свою назидательную бесѣду; но, къ несчастію, обыкновенно забывалъ, что онъ хотѣлъ намъ сказать.

— Что я имъ хотѣлъ сказать? обращался онъ въ такихъ случаяхъ къ группѣ лекторовъ (помощниковъ), стоящихъ возлѣ кафедры. На этотъ обычный вопросъ, одинъ изъ субъинспекторовъ, специалистъ по части стрижки волосъ (Засядко) подсказывалъ ему:

— Про волоса!

— Нѣтъ, серьезно отвѣчалъ инспекторъ, припомнивши самъ и обращаясь къ намъ:

— Скоро, господа, Крещенскій ярмарктъ.

— Мы знаемъ! отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, постойте, продолжалъ инспекторъ; пріѣдетъ много ремонтеровъ, такъ вы съ ними не кутите!

— Что вы, полковникъ, отвѣчаетъ кто-то изъ толпы; кто вамъ скажетъ такую глупость, что мы кутимъ съ ремонтерами?

— Это я самъ догадался! серьезно отвѣчаетъ инспекторъ.

Однажды, онъ собралъ насъ по нижеслѣдующему поводу:— Господа! сказалъ нашъ инспекторъ своимъ ломанымъ русскимъ языкомъ,—попечитель ¹⁾ сердится, что вы ходите по улицамъ!

— Какъ? спросили съ недоумѣніемъ.

— Да, пояснилъ инспекторъ, онъ сказалъ, что, вѣроятно, гг. профессора задаютъ очень маленькіе уроки студентамъ, потому что они всегда ходятъ по улицамъ.

Мы успокоили инспектора, объяснивши, что уроки намъ задаютъ не маленькіе, но только мы скоро выучиваемъ ихъ.

¹⁾ С. А. Кокошкинъ.

Онъ посмотрѣлъ на насъ недовѣрчиво, но все-таки удовольствовался отвѣтомъ.

При подобномъ инспекторѣ, особенной строгости, разумѣется, не могло быть. Студенты пошаливали, но въ большей части случаевъ удавалось скрыть концы.

Между тѣмъ попечитель требовалъ полного порядка и тишины. Инспекторъ, каждый день, являясь съ рапортомъ къ попечителю, получалъ отъ него выговоры и нахлобучки, созывалъ опять насъ, стараясь своимъ ломанымъ языкомъ разяснить намъ что-то. Изъ этихъ рѣчей мы ясно понимали только одно, это то, что инспекторъ получилъ выговоръ; шалости продолжались по-прежнему.

Только бывало и слышно, что такихъ-то студентовъ начальство едва не застало играющими на билліардѣ въ гостиницѣ, но они ловко ушли; такихъ-то чуть не накрыли закусывающими въ гастрономической лавкѣ, но имъ удалось скрыться.

Попечитель зналъ обо всемъ этомъ чрезъ полицеймейстера, а инспекторъ ничего не зналъ и продолжалъ получать ежедневно распеканія. Въ виду такого критическаго положенія, Гриппенбергъ придумалъ мѣру, которая, по его мнѣнію, должна была доставить всѣхъ виновныхъ въ его руки. Насъ занумеровали, и сдѣлано это было такимъ образомъ: когда мы являлись на лекціи и оставляли шинели и фуражки въ такъ называемой сборной залѣ (каждый на своемъ мѣстѣ), въ это время казенный портной являлся съ готовыми нумерами, вырѣзанными изъ сукна, и нашивалъ каждому на подкладкѣ какъ шинели, такъ и фуражки. Нумера эти, для студентовъ разныхъ факультетовъ, были для чего-то разнаго цвѣта.

Какъ теперь помню: я былъ № 77, зеленый. Цѣль этого нумерованія была та, чтобы субъинспекторамъ дать возможность узнать фамиліи студентовъ, застигнутыхъ ими, напр., въ гостиницѣ. Но и эта военная хитрость мало помогала, студенты не стали оставлять шинелей при входѣ, въ общей передней, и шалости продолжались, а вмѣстѣ съ ними и попечительскія распеканія непосредственному нашему начальнику. Мы собственно любили этого инспектора, но никто даже ни разу не подумалъ о томъ, что онъ за насъ же получаетъ внушенія.

Онъ былъ очень красивый мужчина. Въ особенности картинень онъ былъ во время церемоніи, какъ, напр., перенесенія иконы весной изъ города въ монастырь и обратно—осенью. Мы всѣ, въ полной парадной формѣ, непременно должны были участвовать въ этой процессіи, предводительствуемые инспекторомъ

верхомъ на ворономъ конѣ. Въ такія минуты мы даже гордились, до нѣкоторой степени, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, въ особенности послѣ столкновенія его, во время одной изъ церемоній, съ ненавистнымъ намъ полицеймейстеромъ, маіоромъ Серебряковымъ. Этотъ послѣдній, въ пылу распоряженій, обыкновенно забывалъ все окружающее и, желая усилить то или другое изъ данныхъ имъ приказаній, не стѣснялся при этомъ употребить непечатныя слова. Однажды, съ такимъ усиленнымъ распоряженіемъ онъ обратился къ студентамъ. Инспекторъ, услышавши это, строго замѣтилъ ему:—Маіоръ, вы забываетесь! и такъ какъ Гриппенбергъ былъ полковникъ, то маіоръ, сдѣлавши ему подъ козырекъ, тотчасъ замолкъ.

Кромѣ описанныхъ собесѣдованій для внушенія порядка, не безынтересны репетиціи или приготовленія въ ожиданіи пріѣзда высокопоставленныхъ лицъ. Упражненія наши при этомъ состояли въ томъ, что инспекторъ изображалъ высокопоставленную особу, а мы должны были привѣтствовать его. Для этого онъ уходилъ въ корридоръ, а мы, выстроенные рядами, ожидали въ залѣ пріхода его. При появленіи инспектора, мы должны были выкрикнуть: „Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство!“ и при томъ непременно съ раскатомъ на концѣ. Репетиція продолжалась до тѣхъ поръ, пока инспекторъ не находилъ, что мы выкрикиваемъ достаточно ровно, выразительно и раскатисто.

Если приготовленія къ пріему высокопоставленныхъ особъ были причиной такихъ заботъ, то легко представить, что же было, когда особа дѣйствительно пріѣзжала! Насъ собирали въ университетъ часовъ съ 8-ми утра, еще нѣсколько разъ репетировали встрѣчу, при чемъ особу изображалъ уже самъ С. А. Кошкинъ.

И тутъ никогда не обходилось безъ курьезовъ. Попечитель постоянно затруднялся отличать „факультетъ“ отъ „аудиторіи“ и постоянно ошибался. Однажды, въ ожиданіи пріѣзда кого-то, инспекторъ студентовъ спрашиваетъ у Кошкина:

— Какъ прикажете построить студентовъ, Ваше Превосходительство?

— Поставьте ихъ въ залѣ, по аудиторіямъ! отвѣчаетъ попечитель.

Недолго впрочемъ пришлось намъ быть подъ начальствомъ Гриппенберга. Попечитель потерялъ терпѣніе и, видя, что всѣ внушенія инспектору не достигаютъ цѣли, приказалъ ему подать въ отставку. По поводу этого событія, кто-то выпустилъ слухъ, что дѣло было такимъ образомъ:

Инспекторъ явился, по обыкновенію, съ утреннимъ рапор-

томъ къ попечителю, при чемъ тотъ объявилъ ему, что: „мы, полковникъ, вмѣстѣ служить не можемъ!“ Гриппенбергъ съ восторгомъ возвращается домой и передаетъ женѣ, что „генераль выходитъ въ отставку!“

На мѣсто его былъ назначенъ тоже полковникъ, но полковникъ, что называется, другого пошиба. Не любя тратить словъ понапрасну, онъ каждое неисполненіе правилъ студентами сопровождалъ одной и той же весьма энергической мѣрой—удаленіемъ изъ университета.

Каждый день только и было слышно, что то того, то другого постигла страшная кара.

Будучи самъ лютераниномъ, инспекторъ строго наблюдалъ за исполненіемъ существовавшего въ то время распоряженія обязательно посѣщать церковь каждый праздникъ. Для выясненія, кто былъ въ церкви и кого не было, по окончаніи церковной службы, производилась перекличка, и на слѣдующій день виновные подвергались выговору или аресту. Многіе приходили только на перекличку, но, тѣмъ не менѣе, церковь всегда была полна если не молящимися, то, по крайней мѣрѣ, присутствующими студентами.

Не мало бѣдъ причиняло также распоряженіе—носить по праздникамъ, до полудня, полную форму, а отъ полудня до шести часовъ вечера — полуформу (полную парадную форму составляли: мундиръ, шпага и шляпа; а полуформу—сюртукъ и тѣ же шпага и шляпа).

Въ собранія, въ такіе дни, полагалось явиться въ мундирѣ, а въ театры въ полуформѣ. Разсчитывая на русское „авось“, кто-нибудь рѣшался выйти недалеко изъ дому, въ праздникъ, прямо въ сюртукѣ и фуражкѣ (какъ напр. къ близко живущему товарищу); а тутъ, какъ-разъ, на бѣду, попадетъ навстрѣчу субъинспекторъ. Карцеръ не минуемъ. А если, Боже сохрани, повстрѣчалъ попечителя, еще того хуже!

До чего была доведена субординація, видно между прочимъ изъ слѣдующаго: при приближенія мая мѣсяца, нашъ строгій полковникъ издалъ приказъ, чтобы всѣ студенты построили себѣ новыя, бѣлыя панталоны и при томъ у одного и того же, избраннаго имъ самимъ портного, за условленную цѣну: 5 руб. 50 коп. Цѣль этого распоряженія, какъ намъ объясняли, была—достичь возможнаго однообразія въ покроѣ панталонъ и цвѣтѣ употребленнаго на нихъ матеріала (или, какъ мы объясняли: чтобы раздѣлить барышъ пополамъ съ портнымъ, т. к. по низкому достоинству подобная постройка не стоила болѣе 2 руб. 50 коп.).

Тѣмъ не менѣе всѣ безпрекословно, хотя и съ сокрушеннымъ сердцемъ, несли назначенную дань портному, получали отъ него никуда негодную вещь и являлись на смотръ инспектору. Такимъ образомъ, значительная часть времени проходила въ приданіи намъ наружнаго вида и нѣкоторыхъ внутреннихъ свойствъ, между которыми первое мѣсто занимала способность воспринимать и исполнять въ точности распоряженія начальства, заботливому попеченію котораго мы ввѣрены.

Но не одни смотры и парады составляли цѣль пребыванія нашего въ университетѣ: мы обязаны были, опять-таки подъ опасеніемъ карцера, посѣщать лекціи профессоровъ по существующему росписанію.

Эта перспектива карцера студентамъ, не явившимся на лекціи, служила для нѣкоторыхъ профессоровъ прекраснымъ, въ высшей степени дѣйствительнымъ средствомъ если не заинтересовать, то, по крайней мѣрѣ, привлечь слушателей на лекцію. Это средство давало возможность такимъ лекторамъ читать изъ года въ годъ, по однимъ и тѣмъ же, пожелтѣвшимъ отъ времени запискамъ (тетрадкамъ), не затрудняя себя пополненіями и соответствующими измѣненіями давно составленнаго, а и иногда и по наслѣдству полученнаго курса.

Лекціи такихъ профессоровъ начинались медленнымъ, лѣнивымъ доставаніемъ изъ кармана списка студентовъ, такою же медленной и лѣнивой переключкой и записываніемъ отсутствующихъ. Послѣ этого, лекторъ пряталъ списокъ, вынималъ изъ другого кармана тетрадку, или, прямо, нѣсколько листовъ книжки и начиналъ монотонно читать.

Первый способъ практиковался чаще второго потому, что если профессоръ читаетъ по писанной тетрадкѣ, значитъ, читаетъ свое, а во 2-хъ вырванные листы легко терялись, разрознивались, и читающій по нимъ лекторъ становился такимъ образомъ часто въ затруднительное положеніе, не находя того, что, какъ онъ твердо зналъ, должно было слѣдовать, а вмѣсто ожидаемаго встрѣчалъ кусокъ какой-нибудь новой фразы, при томъ еще начинающійся послѣ запятой.

Подобныя чтенія насъ нисколько не удивляли: мы привыкли къ нимъ, еще сидя на гимназической скамейкѣ; слѣдовательно, произошла только очень небольшая перемѣна: измѣнились лица и фамиліи наставниковъ, а суть дѣла осталась та же. Тѣмъ не менѣе, все это хотя такъ живо въ памяти, но такъ несбыкновенно въ настоящее время!

Прежде всего, весьма естественно, приходятъ на память тѣ профессора, съ которыми приходилось встрѣчаться чуть не ежедневно, въ теченіе всего университетскаго курса (т. е. профессора своего факультета), а потомъ, вслѣдъ за ними, весь сонмъ ученыхъ мужей съ ихъ особенностями и повадками. Профессоръ зоологіи, А. В. Чернай, полунѣмецъ, получехъ, настоящій типъ профессора, по нашему мнѣнію, сухой и бездушный, былъ аккуратенъ, какъ нѣмецъ, и лѣнивъ, какъ славянинъ.

Не затрудняя ни себя, ни насъ глубокимъ изученіемъ науки, онъ являлся на лекціи съ учебникомъ зоологіи Симашко, написаннымъ для гимназій, раскрывалъ его на соответствующей страницѣ, произносилъ неизмѣнное: М.м. Г.г.—Нашъ авторъ говоритъ... и начиналъ послѣ этого прямо читать по учебнику. Почему онъ называлъ Симашко „нашимъ авторомъ“, это осталось для насъ неизвѣстнымъ (можетъ быть потому, что онъ купилъ эту книгу). Имѣя въ завѣдываніи зоологическій кабинетъ, Чернай никогда не пускалъ насъ въ него; но при этомъ постоянно говорилъ:—Когда обстоятельства будутъ благопріятствовать, я буду имѣть случай показать вамъ на препаратахъ и чучелахъ то, что указываетъ „нашъ авторъ“.

Но такихъ благопріятныхъ условій мы не могли дожидаться и, потерявши всякую надежду, уговорили сторожа, за извѣстную плату, пустить насъ, подъ его наблюденіемъ, въ кабинетъ въ свободное время. Обѣщаніе гонорара сломило непреодолимое препятствіе,—мы были впущены въ кабинетъ; мало того: служитель былъ настолько любезенъ, что даже былъ нашимъ чичероне.

Здѣсь кстати будетъ прибавить къ сказанному, что сокровище кабинетовъ отъ любопытныхъ взоровъ студентовъ относилось не исключительно только къ зоологическому, но ко всѣмъ существовавшимъ кабинетамъ. Причина этого страннаго явленія, кажется, та, что начальство, заботясь о чистотѣ, боялось пускать студентовъ, чтобы, чего Боже сохрани, не нанесли грязи на ногахъ.

Профессоръ ботаники, В. М. Черняевъ, человѣкъ извѣстный своими обширными свѣдѣніями по ботанической систематикѣ вообще и флорѣ Украйны въ частности, но положительно лишенный дара слова и способности передать что-либо, представлялъ интересное для того времени явленіе—человѣка страстно преданнаго наукѣ.

Съ ранняго утра, онъ являлся въ аудиторію, садился на кафедру, раскладывалъ вокругъ себя растенія, смотрѣлъ на нихъ, сличалъ, удивлялся; а въ это время приходили въ аудиторію и

уходили изъ нея студенты различныхъ курсовъ и даже студенты другихъ факультетовъ (ради курьеза).

Черняевъ, замѣтивши, напр., что пришла новая партія слушателей, обращался къ нимъ съ такою рѣчью:

— А что, пришли? Ну, и прекрасно! Вотъ вы видите, вотъ вы знаете, что это такое?—говорилъ онъ, держа въ рукахъ какое-то сухое растеніе и, не дождавшись отвѣта (да его не могло и быть, т. к. пришедшіе рѣшительно не знали, что имъ показываютъ и зачѣмъ!), продолжалъ:

— Да нѣтъ! я вотъ вѣдь и самъ... и престранное дѣло („престранное дѣло“ была его любимая поговорка), смотрю и не понимаю; а вы какъ? Вы вѣдь думаете, что взялъ, да и что! Престранно, какъ у насъ студенты... Вотъ, когда я былъ въ Швеціи... а возьмите вы, напр., любое болото, или нѣтъ, лучше морковь: посмотрите, что она такое? А какъ вы думаете? А я вамъ скажу, что если микроскопомъ, такъ и на высокую степень можно и т. д., пока слушатели не уйдутъ.

Иногда чтеніе происходило не въ повѣствовательной формѣ, а съ вопросами и отвѣтами:

— Вы, престранное дѣло, медяки? спрашивалъ онъ пришедшихъ.

— Нѣтъ, естественники, отвѣчаютъ тѣ.

— Ну, да это престранно, все равно! А знаете вы мужика Власа?

— Нѣтъ, не знаемъ, отвѣчаютъ слушатели.

— А презанятный, я вамъ скажу, мужикъ! Вотъ вы и берите примѣръ и наблюдайте и смотрите. Вы думаете, наши науки какъ? Все, престранно, относится къ нашему предмету! А какъ по-вашему: есть сладкая омела.

— Есть, отвѣчаемъ мы наугадъ, желая утѣшить профессора.

— А почему? спрашиваетъ тотъ.

Вопросъ ставить насъ въ нѣкоторое затрудненіе, но одинъ изъ товарищей, понаходчивѣе, отвѣчаетъ:

— Пѣсня такая есть!

— Есть; вотъ и престранно; вотъ и прекрасно! Какая же это пѣсня? допытывается неугомонный профессоръ.

— Я, В. М., сказать не могу, я слышалъ только, какъ поютъ ее.

— Пусть онъ, В. М., пропоетъ, заявляемъ всѣ мы, хоромъ.

— И прекрасно, и преотмѣнно, и прелюбезно! Вѣдь вы какъ

думаете? Вѣдь что? Вѣдь престранно; вѣдь вотъ оно можетъ въ природѣ не существовать, а близко къ тому!

Курьезу ради, мы настаиваемъ, чтобы слышавшій пѣсни о сладкой омелѣ спѣлъ бы ее тутъ же. Черняевъ поддерживааетъ; вызвавшійся показываетъ видъ, что стѣсняется, а самъ, наскоро, придумываетъ хотя нѣкоторое подобіе пѣсни про омелу. Наконецъ объявляетъ, что „можетъ“ и поетъ:

„Брали дивки омелу...
 Ой омела, омела.
 Сладкая омела!“

— А дальше не помню, заявляетъ онъ серьезно. Мы, какъ говорится, помираетъ со смѣху, а Черняевъ, пришедши въ восторгъ, разглагольствуетъ:

— Нѣтъ, постойте, нѣтъ! Вы, странное дѣло, не смѣйтесь! Вѣдь вы что думаете? Вѣдь вы какъ? А я вамъ скажу... и т. д.

Во время этихъ чтеній (если только это можно назвать чтеніями) возлѣ кафедры безотлучно находился старикъ-служитель при ботаническомъ кабинетѣ, нѣкій Лобазъ, нерѣдко также самъ принимавшій участіе въ чтеніи лекціи, или же привлекаемый къ этому участію Черняевымъ.

Въ пылу чтенія, Черняевъ, напр., однажды обращается къ намъ съ вопросомъ, по обыкновенію крайне не ясно высказаннымъ. Какъ потомъ выяснилось, мы должны были отвѣтить: „злаки!“ Но, повторяю, мы рѣшительно не могли сообразить—чего отъ насъ требуютъ.

— Вотъ, престранное дѣло, и стыдно студентамъ, заявляетъ Черняевъ. А вотъ Лобазъ, такъ тотъ скажетъ!

— А ну, Лобазъ, скажи: безъ чего человекъ не можетъ жить?

— Бизъ жинки, Ваше—скородіе, отвѣчаетъ тотъ простодушно.

— Однако престранно, какъ ты глупъ! замѣчаетъ на это Черняевъ.

Неутомимый, какъ лекторъ, Черняевъ былъ, несмотря на старость, неутомимъ и на экскурсіяхъ, которыя онъ часто дѣлалъ со студентами.

Во время одной такой ботанической прогулки студентовъ съ Черняевымъ, при переходѣ по мосткамъ, переброшеннымъ чрезъ довольно глубокой ручей, одинъ изъ студентовъ облокотился на перила, чтобы лучше разглядѣть какое-то водное растеніе; перила обломились, и неосторожный студентъ упалъ въ воду; запутавшись въ шинели, онъ довольно долго барахтался, стараясь выйти изъ затруднительнаго положенія.

— А вотъ, кстати, кричитъ ему съ мостковъ Черняевъ, достаньте-ка намъ славный экземпляръ *Caltha palustris*.

Молва о громадномъ, необыкновенномъ интересѣ чтеній Черняева, благодаря нашимъ стараніямъ, распространялась все болѣе и болѣе.

Аудиторія часто наполнялась чуть не биткомъ посторонними слушателями. Черняевъ, какъ сказано, не обращавшій никогда вниманія на то, кто наполняетъ аудиторію, радовался, что „наша наука, престранное дѣло, вѣдь какъ?“.

Желая доставить возможность познакомиться съ этими лекціями и лицамъ, не бывающимъ на нихъ, мы общими усиліями записали одну изъ нихъ дословно и пустили въ ходъ ¹⁾.

Дошли эти записки до декана, ректора; пошла и далѣе.

Сначала не вѣрили возможности подобныхъ чтеній; начали наводить справки у окончившихъ курсъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; тѣ подтвердили, что и при нихъ было то же самое,— что записанная лекція даетъ вполне вѣрную картину ботаническихъ чтеній. Черняевъ сразу очутился въ опалѣ у высшаго начальства; потребовали отъ него представленія программы, потребовали, кстати, отчетовъ объ израсходованіи суммъ, одновременно полученныхъ имъ на экскурсіи, навели, за-одно, справку о его ученой степени; оказалось, что таковой онъ не имѣетъ (онъ имѣлъ только званіе лекаря). Попробовалъ онъ написать программу, но, какъ человекъ, не привыкшій къ писанію, остановился на первой же строкѣ. То же послѣдовало и съ требуемымъ отчетомъ. А тутъ, кстати, подоспѣлъ срокъ какого-то пятилѣтія, и Черняевъ былъ уволенъ отъ службы за выслугой лѣтъ.

Такимъ образомъ, нашъ курсъ былъ послѣднимъ, слушавшимъ этого необыкновеннаго лектора.

Почти настолько же, какъ и Черняевъ, былъ обиженъ природой и профессоръ физики и физической географіи В. И. Лапшинъ. Выразить какую-нибудь, даже самую обыкновенную мысль, было для него неодолимымъ препятствіемъ. Затрудняясь постоянно къ пріисканію словъ, Лапшинъ пересыпалъ свою рѣчь безпрестаннымъ потвореніемъ, притомъ совершенно не кстати, излюбленной имъ поговорки „стало быть“ (или какъ выходило у него отъ поспѣшности „сталъ-быть, сталъ-быть“), сопровождая это искусственнымъ кашлемъ. Выходило нѣчто ужасное! Языкъ не слушался своего хозяина, да и только и какъ на зло ему, произносилъ:

¹⁾ Приведенныя вышецитаты заимствованы изъ этой лекціи.

— Лошади, стало быть, овцы, стало быть, свиньи... и другія птицы.

За этимъ слѣдоваль ужаснѣйшій напускной кашель, потомъ „сталь-быть“ и далѣе:

— Мы, сталь-быть, молча упомянули... или:

— Для примѣра, стало-быть, возьмемъ примѣръ; на примѣръ.

Но его затрудняла собственно не одна только рѣчь. Не мало хлопотъ представляли и тѣ несложныя математическія выкладки, какія встрѣчаются даже въ гимназическомъ курсѣ физики. Взявши въ руки мѣлъ, Лапшинъ храбро приступаль къ вычисленію, бойко стучаль мѣлкомъ, но скоро останавливался, начиналь сильно кашлять, стираль написанное, произносиль нѣсколько разъ, ни къ селу, ни къ городу: „сталь-быть, сталь-быть“, и вновь начиналь вычислять; новая неудача: желанный результатъ не давался, какъ кладъ въ руки. Видя такую неудачу и еще нѣсколько разъ кашлянувъ, профессоръ уходиль за доску и тамъ начиналь стучать мѣлкомъ; мы оставались въ это время въ ожиданіи благополучнаго разрѣшенія нечаянно встрѣтившагося затрудненія. Добившись, наконецъ, искомаго, профессоръ выходиль, весь красный, изъ-за доски и (произнесши опять нѣсколько разъ „стало-быть“) доводиль благополучно до конца злосчастное доказательство.

Лишенный способности выражать словами то, что онъ желаль передать, Лапшинъ любиль, какъ говорится, наводить другихъ (т.-е. помогать при отвѣтѣ) и окончательно сбиваль съ толку отвѣчающаго. Предлагаетъ, на примѣръ, онъ однажды на репетиціи (а таковыя были у насъ каждую недѣлю) какой-то вопросъ студенту, на который слѣдовало отвѣтить: „давленіе“. Но вопросъ былъ поставленъ спрашивающимъ такимъ образомъ, что отвѣчающій затруднился. Профессоръ начинаетъ наводить его; студентъ не можетъ догадаться. Лапшинъ приходитъ въ азартъ и начинаетъ помогать усиленно:

— Ну, какъ же, стало-быть, ну, какъ же? Да вы представьте себѣ, стало быть, что вы стоите, я, стало-быть, подошелъ сзади, стало-быть, нагнулъ васъ, сѣлъ вамъ на спину, и началъ, стало-быть, производить... Ну, что же я началъ производить?...

Студентъ въ недоумѣніи и, повидимому, не рѣшается высказать.

— Давленіе, стало-быть, давленіе! досказываетъ самъ Лапшинъ, потерявшій надежду услышать желаемый отвѣтъ.

Замѣчательно то, что этотъ человекъ, всю свою жизнь, какъ говорится, шелъ противъ природы: лишенный способности гово-

рять, онъ, по выслугѣ лѣтъ въ Харьковскомъ университетѣ, перешелъ во вновь открывшійся Новороссійскій; прослуживши тамъ 5 лѣтъ, онъ былъ забаллотированъ, поселился въ Феодосію и тамъ читалъ публичныя лекціи по физикѣ.

Профессоръ минералогіи и геогнозіи, Н. Д. Борисякъ, упростилъ лежавшія на немъ, какъ на лекторѣ, обязанности до послѣдней степени: онъ прямо не являлся въ университетъ, а если когда и приходилъ (вѣроятно отъ скуки), то лекціи все-таки не читалъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ (въ родѣ того, что „погода располагаетъ болѣе ко сну, нежели къ минералогическимъ занятіямъ“). За нѣсколько дней передъ экзаменомъ, онъ пренаивно объявлялъ студентамъ:

— А я, господа, узналъ, что у васъ на дняхъ экзаменъ изъ минералогіи! Прочестъ курсъ, значитъ, мы уже не успѣемъ! Какъ же тутъ быть-то? Развѣ вотъ какъ сдѣлать? Есть у меня старенькія записки; онѣ коротенькія, ну, да это еще лучше! Возьмите-ка вы ихъ, да прочитайте!

Записочки читались, и экзаменъ проходилъ благополучно.

Своеобразны и въ высшей степени необыкновенны были лекціи православнаго богословія, обязательныя для студентовъ всѣхъ факультетовъ.

Лекторомъ былъ знакомый, нашъ прежній гимназическій наставникъ, П. И. Лебедевъ. Но тутъ мы его увидѣли уже другимъ. Увидѣли и удивились! И прежде было замѣтно, что онъ, до нѣкоторой степени, стѣснялся своимъ саномъ (и даже костюмомъ), а тутъ это выразилось уже крайне рѣзко. Для приданія интереса чтеніямъ, для привлеченія студентовъ, вообще неохотно посѣщавшихъ (и посѣщающихъ) лекціи священника, онъ устраивалъ изъ нихъ какія-то глумленія.

Вотъ образчикъ: читая напр. о сотвореніи міра (въ то время кромѣ собственно богословія, по программѣ, полагалась и священная исторія), онъ, по обыкновенію, ни на кого не смотря, говорилъ своимъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Во второй день Господь Богъ, какъ повѣствуютъ, сотворилъ твердь или видимое небо; но, какъ извѣстно въ настоящее время, никакой тверди не существуетъ! Слѣдовательно, чтоже сотворилъ Господь Богъ въ этотъ день? Ничего! Или: говоря о наградѣ въ будущей жизни—вѣчномъ созерцаніи Божества, лекторъ прибавлялъ:

— Но, позволю себѣ спросить: не надоѣсть ли это? Одно и то же скучно!

При этомъ онъ зорко слѣдилъ, чтобы кто-нибудь изъ слушателей не вздумалъ записывать его лекцій. Однажды, новичекъ студентъ, не знавшій объ этомъ запрещеніи и желая, вѣроятно, показать профессору свое усердіе, вздумалъ записывать. Лебедевъ замѣтилъ это, и его, какъ будто, передернуло; но онъ продолжалъ чтеніе. Кончилась лекція; Лебедевъ, поблагодаривши студента за вниманіе, просить у него лекцію, обѣщая исправить. Студентъ, ничего не подозревая, разумѣется съ удовольствіемъ, соглашается, довольный тѣмъ, что профессоръ обратилъ вниманіе на его рвеніе. Приходитъ Лебедевъ на слѣдующую лекцію, вновь благодарить студента за вниманіе.

— Но, прибавляетъ онъ, какъ-бы между прочимъ, въ вашу лекцію, къ сожалѣнію, вкралось семь ересей! Сколько же ихъ будетъ, когда вы также успѣшно составите весь курсъ?

Общій смѣхъ. Студентъ сконфуженъ. Желаніе записывать пропало окончательно.

Чтеніямъ соотвѣтствовали иногда и отвѣты студентовъ.

Сказаннаго, кажется, достаточно для того, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе объ университетской наукѣ описываемаго времени и ея носителяхъ.

Оставимъ же пока въ покоѣ отдѣльныя личности и поговоримъ о цѣлой корпораціи, обратимъ вниманіе на особенность ея въ то время, особенность, къ счастью, безслѣдно исчезнувшую и составлявшую позоръ и пятно ея. Я говорю о взяточничествѣ того времени. Брали безъ зазрѣнія совѣсти, брали безъ всякаго стыда съ кого только можно и сколько можно! Были, разумѣется, и личности незапятнанныя, мы ихъ, какъ пріятныя и отрадныя исключенія, и оставимъ въ покоѣ, помянувши добрымъ словомъ ихъ добрую память.

Самымъ обыкновеннымъ, зауряднымъ и, такъ сказать, безобиднымъ способомъ взяточничества было пансіонерство. Мы называемъ этотъ способъ безобиднымъ потому, что онъ примѣнялся къ людямъ со средствами, людямъ, которые, не стѣсняясь, могли, бросивши тысячу, другую, сдѣлаться пансіонеромъ того или другого профессора, застраховать такимъ образомъ себя отъ необходимости учить скучныя тетрадки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть полную надежду окончить курсъ кандидатомъ. Между профессорами, имѣвшими пансіонеровъ, существовало взаимное условіе—поддерживать на экзаменѣ опекаемыхъ ими питомцевъ. Если кто изъ профессоровъ не имѣлъ пансіонеровъ,

то имѣвшіе ихъ должны были выплачивать ему известную часть получаемыхъ ими доходовъ, и дѣло, такимъ образомъ, шло какъ заведенная машина: рука руку мыла и обѣ чисты были.

Нежелавшіе подвергать тебя стѣсненіямъ и непріятности жить у профессора могли получить вождельное кандидатство единовременнымъ взносомъ, раздѣленнымъ на части, пропорціонально числу участниковъ въ процедурѣ предстоящихъ экзаменовъ и передачи этой части каждому лично, по принадлежности. Назначенную для раздѣла сумму можно было передать и прямо одному изъ профессоровъ-предпринимателей для раздачи прочимъ. Но этотъ послѣдній способъ, впрочемъ, влекъ за собой иногда нѣкоторыя неудобства, въ особенности если взносъ былъ сдѣланъ незадолго до экзамена и дѣлежъ не былъ еще произведенъ. Откупившійся студентъ являлся на экзамень, разумѣется, ничего не зная, но смѣло бралъ билетъ и начиналъ молчать въ ожиданіи помощи со стороны купленнаго профессора. Тотъ, не имѣя еще свѣдѣній о предстоящей добычѣ, и не думаетъ выводить экзаменующаго изъ затруднительнаго положенія. Профессоръ-предприниматель, получившій деньги, сидя тутъ же за экзаменаторскимъ столомъ, начинаетъ кашлять, моргать, стараясь вразумить недогадливаго товарища. Тотъ, наконецъ, замѣчаетъ сигналы, принимаетъ вхъ къ свѣдѣнію, перемѣняетъ свой строгій тонъ и начинаетъ отвѣчать самъ, такъ что экзаменуемому приходится только говорить „да“ или „нѣтъ“ и экзамень оканчивается благополучно.

Но, какъ сказано, далеко не во всѣхъ случаяхъ взяточничество велось такъ безобидно. Часто взятку вымогали у человека ничего не имѣющаго, но, къ несчастію, принужденнаго держать экзамень у того, или другого хищника. Беззастѣнчивость, наглость доходила до того, что брали не только деньгами, брали вещами, брали что подъ руку попало! Вотъ сцена, характеризующая это постыдное время.

Молодой человекъ держитъ вступительный экзамень ¹⁾ въ университетѣ изъ латинскаго языка, у профессора Лукьяновича. Экзаменующіеся поставлены имъ въ двѣ группы: заплатившихъ, не заплатившихъ контрибуцію. Юноша, о которомъ идетъ рѣчь, какъ человекъ, ничего неимѣющій, попалъ, разумѣется, во вторую группу (т.-е. не заплатившихъ). Доходитъ до него очередь; онъ отвѣчаетъ, какъ слѣдуетъ, но экзаменаторъ

¹⁾ Въ то время, кромѣ окончательныхъ экзаменовъ въ гимназіи, проводились вступительные экзамены въ университетѣ.

не довольствуется этими отвѣтами, пишетъ ему неудовлетворительную отмѣтку и заявляетъ, чтъ онъ долженъ „еще подготовиться“, т.-е. другими словами: побывать у экзаменатора на дому, подъ видомъ урока, заплатить ему и получить, такимъ образомъ, желаемую отмѣтку. Та же участь постигаетъ и другихъ юношей одной съ нимъ группы; остальные выдерживаютъ экзамень, несмотря на то, что отвѣчали значительно хуже. На слѣдующій день злополучный юноша отправляется къ профессору, въ надеждѣ умолить его, но напрасно. Тотъ твердитъ одно: „Вамъ надо подготовиться!“

Юноша откровенно говоритъ, что онъ и радъ бы, но у него ничего нѣтъ!

— Ну, какъ ничего нѣтъ?—заявляетъ профессоръ.—Ну, если нѣтъ денегъ, то можетъ быть есть что-нибудь изъ вещей. Можетъ, у васъ есть родительское благословеніе?—допытывается профессоръ.

Юноша заявляетъ, что родительское благословеніе у него дѣйствительно есть, но что оно имѣетъ цѣну только для него самого, такъ какъ это—маленькій деревянный образокъ. И, объяснивши это, онъ какъ-то конфузливо и нерѣшительно прибавилъ:

— Есть у меня серебряная ложка.

— Ну, что же? И то дѣло! принесите ее завтра, и мы и позаймемся!—говоритъ беззащитный профессоръ.

Черезъ два дня назначена переэкзаменовка; знанія испытуемаго оказываются удовлетворительными.

Для пополненія сказаннаго, я прибавлю, что секретари факультетовъ. (профессора) брали по 2, по 3 рубля за справку въ дѣлахъ (напр. за сообщеніе отмѣтокъ, полученныхъ студентомъ на экзаменѣ).

Тѣмъ же приемамъ слѣдовалъ помощникъ попечителя, кн. Цертелевъ, устроившій при томъ правильную систему взяточничества: каждый, являвшійся къ нему по какому-нибудь дѣлу, былъ препровожаемъ въ приемный залъ, гдѣ и оставался одинъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; этимъ временемъ онъ долженъ былъ воспользоваться и положить на этажеркѣ, подъ находившуюся тамъ книгу, бумажку той или другой цѣнности, соотвѣтственно важности просьбы. По прошествіи этихъ нѣсколькихъ минутъ, въ залъ являлся Цертелевъ и прежде всего подходилъ къ знакомой этажеркѣ; если тамъ оказывалось должное приношеніе, онъ выслушивалъ просьбу, если же нѣтъ, то, круто повернувшись, онъ объявлялъ, что не имѣетъ времени, и уходилъ.

Что же дѣлалъ попечитель? Неукоснительно наблюдалъ за порядкомъ и чистотой! Ревностно преслѣдуя поставленную себѣ цѣль, онъ все-таки не могъ окончательно достигнуть желаемого, что сильно беспокоило и раздражало его начальническое сердце.

Такъ, напр., посѣщая фундаментальную библіотеку университета, онъ не могъ равнодушно видѣть существующаго тамъ беспорядка: маленькія книги стоятъ возлѣ большихъ, придавая цѣлому чрезвычайно непріятный видъ для глазъ его, привыкшихъ къ правильному строю.

Каждый разъ, видя этотъ беспорядокъ, онъ приказывалъ исправить его и привести библіотеку въ надлежащій видъ и распоряженіемъ этимъ ставилъ библіотекаря въ чрезвычайно затруднительное положеніе.

Однажды попечитель пригрозилъ даже присылкой роты солдатъ, съ тѣмъ, чтобы, при помощи ихъ, достичь желаемого, но, къ счастью для университета, не привелъ въ исполненіе этой угрозы.

Не мало раздраженія доставляли попечителю, время отъ времени повторявшіяся, ходатайства Совѣта университета о разрѣшеніи пріобрѣсти тѣ, или другія новыя книги для той же фундаментальной библіотеки (а выписка эта, въ то время, производилась не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя). Кромѣ боязни увеличенія беспорядка въ библіотекѣ пріобрѣтеніемъ новыхъ сочиненій, попечитель при этомъ имѣлъ въ виду и экономію казнѣ, а потому рѣдко соглашался уважить ходатайство. Желаящіе выписать ту или другую книгу должны были хлопотать объ этомъ чрезъ людей, близкихъ къ попечителю.

Однажды, на одну изъ такихъ просьбъ, попечитель, будучи въ духѣ, согласился, но все-таки сдѣлалъ упрекъ:

— Гг. профессора всегда такъ, одной книжки не выучатъ, а уже просятъ купить другую! Сколько у нихъ въ библіотекѣ книгъ, а я думаю, и половины не выучили!

Отказывая, такимъ образомъ, университету въ необходимыхъ расходахъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей (какъ, напр., онъ упорно противился постройкѣ обсерваторіи), попечитель успѣлъ скопить весьма солидную сумму, которая и хранилась въ видѣ, такъ называемыхъ, спеціальныхъ средствъ университета. Когда экономія эта достигла значительной цифры, попечитель, желая показать министру свое умѣнье хозяйничать, сообщилъ ему объ этомъ остаткѣ, въ надеждѣ на глубокую за это признательность. Но случай зло посмѣялся надъ экономнымъ попечителемъ: благодарности онъ не получилъ, а деньги прика-

зано было переслать въ Казанскій университетъ, просившій объ отпускѣ суммы, необходимой для постройки опять-таки злосчастной обсерваторіи, которую Харьковскій университетъ и выстроилъ, но не себѣ, а Казанскому университету.

Заботясь о порядкѣ, чистотѣ и экономіи, попечитель не оставлялъ безъ вниманія, въ случаѣ надобности, и учебную часть.

Совѣтъ университета, по ходатайству физико-математическаго факультета, просилъ Кокошкина о разрѣшеніи ввести въ курсъ математики для студентовъ естественнаго разряда „Книжечскія сѣченія“.

— Только лишняя пачкотня будетъ,—заявилъ на это ходатайство попечитель;—притомъ, по-моему, это гораздо удобнѣе и приличнѣе въ ветеринарномъ заведеніи!

Сообщ. О. Н. Леваковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).